

УДК 82

КРИТИКА «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ О ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. КЛЮЕВА

Байнин Сергей Вячеславович

аспирант

Вологодский государственный университет, Вологда

author@apriori-journal.ru

Аннотация. После революционных событий 1917 г. наступил новый этап в литературной карьере «крестьянского» поэта Николая Алексеевича Ключева. В это время поэт тесно сотрудничает со «Скифами» Р.В. Иванова-Разумника. В данной статье рассматривается оценка творчества Ключева критиками «первой волны» эмиграции, зачастую отрицательно относившимися к новому положению в России.

Ключевые слова: критика «первой волны» эмиграции; крестьянский поэт; «скифство»; религия; народность; революция.

CRITICISM OF «THE FIRST WAVE» OF EMIGRATION ABOUT N.A. KLYUEV'S CREATIVITY

Bainin Sergey Vyacheslavovich

graduate student

Vologda state university, Vologda

Abstract. After revolutionary events of 1917 there came the new stage in literary career of the «country» poet Nikolay Alekseevich Klyuev. At this time the poet closely cooperates with R.V. Ivanov-Razumnika's «Scythians». In this article the assessment of creativity of Klyuev by the critics of «the first wave» of emigration who often were negative to new situation in Russia is considered.

Key words: criticism of «the first wave» of emigration; country poet; «skifstvo»; religion; nationality; revolution.

В 1920-е гг., когда основная часть русских эмигрантов более-менее закрепились за границей, открывается множество русскоязычных периодических изданий, отражавших свою точку зрения на происходившие в России события. Альманахи, газеты и журналы заполнили печатный рынок Праги («Воля России», «Казачий набат»), Парижа («Современные записки», «Возрождение», «Русская мысль»), Берлина («Голос России», «Время», «Руль»), Прибалтики («Сегодня», «Либавское русское слово»), Харбина («Русская жизнь»).

Одним из центров политических группировок и печатных изданий сначала был Берлин. Выпускались кадетская ежедневная газета «Руль», республиканско-демократическая газета «Дни», меньшевистский «Социалистический вестник». Несмотря на «сменовеховскую» направленность газета «Накануне» не носила определенный выработанный характер. В издании работали не только постоянные сотрудники берлинской эмиграции (критик Э.Ф. Голлербах, руководитель издательства «Скифы» Е.Г. Лундберг), но и авторы из России или других стран. Также отсутствовало четкое деление на какие-либо литературные группы. В литературном приложении газеты печатали поэтов и писателей, начиная от дореволюционных акмеистов (А.А. Ахматова, М.А. Зинкевич) и заканчивая послереволюционными имажинистами (С.А. Есенин, А.Б. Мариенгоф, А.Б. Кусиков) и «Серапионовыми братьями» (В.В. Иванов, К.А. Федин).

Тем временем, в 1920-1922 гг. в берлинском издательстве «Скифы» опубликовал свои книги Клюев. Руководителем издательства был Лундберг, а идейным вдохновителем одноименного литературного направления, выразившим идеологию левого народничества, был Р.В. Иванов-Разумник. Последний продолжал, как и на страницах петроградского сборника «Скифы» в 1917-1918 гг., восхвалять Клюева, Орешина и Есенина, «первых подлинно народных поэтов». По мнению Иванова-Разумника, Клюев – поэт земли, который намного глубже мыслит, нежели Маяковский («поэт Машины») с его «истошным оревом духовно-

плоского футуризма» [1, с. 727]. Но это не говорит о необходимости только «поддонных дум», где «в сердечных домнах / Выплавится жизни багряное золото» [2, с. 434]. У Маяковского своя правда, «правда усложняющейся жизни Города». Послереволюционный период очень непростой на всех уровнях жизни (социальный, политический, культурный). «Потрясенной душой» реагировали Клюев, Есенин, А. Белый на разрушение прежних устоев, оскорбительное отношение к ним новой идеологии страны.

Главный редактор левоэсеровской газеты «Воля России» М.Л. Слоним тонко прочувствовал целенаправленность «Скифов». Они, по мнению критика, усматривали в большевизме «религиозное предназначение»: «...в коммунистических метаниях новую веру, новое богоискательство и богоборчество» [3, с. 5]. Как считал П.Н. Савицкий в статье «Идея Родины в советской поэзии» (подпись: Петроник) после революции поэзия всё еще жива, «хоть и стала советской». Однако возникла проблема с утратой «патриотического чувства». О возвращении патриотизма в современном обществе, разрушении «географического единства» государства и гибели «великодержавного отечества» отразили в поэзии А. Белый («Христос Воскресе»), Есенин («Инония»), Клюев («Песнь Солнценосца»), а также в критических статьях Иванов-Разумник («Россия и Инония»). Поэму Клюева критик Л. Павлович (подпись: Л.П.) на страницах эсеровской ревельской газеты «Народное дело» посчитал самой аполитичной на фоне вышеперечисленных произведений [4]. Есенин и Клюев облачают идею России «в образ конного восшествия и шествия Руси-России к небесам и в небе» [5, с. 219]. Савицкого удивляет параллелизм образов у поэтов, что довольно странно, вряд ли разнонаправленный в своих интересах критик не был знаком как с прежними работами Есенина и Клюева, так и об их творческом взаимовлиянии. Тем не менее, проникнув в идею Отечества поэты – «скифы» «служат тем, кто желает разрушить Родину. Много лицемерия и лицемерной приспособленности...» По мнению Д.П. Святополка-Мирского скифы

близки к большевикам, но с консервативным, «славянским» уклоном. У Клюева и Есенина с их революционным мистицизмом есть все шансы стать «символом нового русского умонастроения» [5, с. 225].

Издательство «Скифы» просуществовало недолго. Как отмечал журнал «Русская книга» уже к 1921 г. «детище» Лундберга сначала занималось партийной литературой. Затея оказалась неудачной и решено было издавать «революционных славянофилов» (Клюев, Есенин, Блок и др.). Но позже издательство окончательно «озападилось» и приступило к выпуску книг по естествознанию, технике и т.д. [7] Однако с последним пунктом согласиться сложно. Именно на 1921-1923 гг. приходится основное внимание к изданию философских, исторических и литературоведческих работ. Например, седьмой том собрания сочинений философа-экзистенциалиста Л.И. Шестова (1923), а также «Достоевский и Ницше» (1922), «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» (1923). Лундберг выпустил работу по истории литературы «Тютчев и Пушкин» (1922), а в 1923 книгу Иванова-Разумника «Русская литература от 70-х гг. до наших дней». Помимо вышеназванных в издательстве «Скифы» выйдут два сборника Клюева: «Избяные песни» (1920) и «Песнь Солнценосца. Земля и железо» (1920).

В стане эмигрантской критики рассматриваемого периода сборники были встречены двойственно. Признаваясь в любви к ранним работам поэта, когда «его народный ... стих лился широко и свободно», Слоним, познакомившись с «Песнью Солнценосца», видит в «новом» Клюеве тяжесть, вычурность и искусственность. Теперь советские поэты не чувствовали «истинного, искаженного в муке и страдании лице нашей родины» [8, с. 5].

Статья Павловича «Переходный период» не вполне вписывалась в эсеровскую линию «Народного журнала» своим аналитическим тоном и объективностью, а также отсутствием ярлыков, так любимых эсерами или пролеткультовцами. Автор пытался разобраться в литературных яв-

лениях конца 1917 – начала 1918 гг. «Скифские» поэты Клюев, Блок, Белый, Есенин сначала приняли Октябрь, признав его «актом революционным, прогрессивным и обновляющим», но, судя по вышедшим в последнее время произведениям, отказываются от своих взглядов. По мнению критика, Клюев все еще отмечает победу революции, хоть «неудачная» и «искусственная» «Песнь Солнценосца» и «...напитана народными оборотами, бытовыми образами и чувствуется, что национальное в них ему дороже вселенской» [9, с. 3]. В отместку ему литературовед и писатель Ф.В. Иванов назовет «Песнь Солнценосца», а вместе и с этим и «Красную песню», «данью увлечения временем, любопытным историческим документом, будущим литературным материалом литературного архива» [10, с. 61].

В анализе поэмы критиком Апр. (настоящая фамилия не установлена) на страницах кадетской газеты «Руль» большое внимание уделено народным истокам творчества «крестьянского» поэта. «Еще не угасло, – пишет Апр., – в северной Руси народное песнотворчество, ибо там хотя и колеблется, но горит еще религиозно-поэтическое раздумье» [11, с. 5]. «Мирские думы» - лучшая книга Клюева, в которой «раскрывается ... религиозным мировосприятием, религиозно-поэтическим раздумьем таинственный смысл тревог, волнений и бед людских...» [12, с. 5] Отсюда основа поэзии Клюева – «святость земли и близость Бога». Народная душа все еще жива, и жива она в песнях Клюева.

Более революционный критик К. Калагинов в далеком Харбине также отмечал приземленность Клюева – «творца мистерий из серых дней родной были». Однако критик несколько не видел разочарования поэта в революции. Наоборот, помимо «бунта» и «пожара» Клюев усматривает «создание новых ценностей, гору самоцветов, встающую из мрака; не смерть чутко любимого народа, а его воскресение...». Революция – стихия народная, «лучезарное будущее, радость исполнения вековых «подъяремных снов» ...» [13, с. 41]. В поэзии Клюева заложено единство

христианских и языческих мотивов, что критики, к сожалению, не увидят. Они вновь будут обвинять «в перепевах «истин», возвещенных Хомяковым». Предположение критика не оправдалось. Помимо Святополка-Мирского и П. Медведева, ряд пролеткультовцев В.В. Князев, П.К. Бессалько и др. подвергли резкой критике «крестьянского» поэта за его уклон в мистицизм и религию. Исходя из логики Калагинова, выходит, что Клюев – истинный пролетарский поэт, свой для большевиков (несмотря на критику, формулировка довольно популярная в начале 20-х гг.).

По мнению ведущего публициста «Воли России» Н.Ф. Мельниковой-Папоушек (псевдоним: Н.М.П.) посчитала это сплошным недоразумением. На примере «Избяных песен» она доказывает, что Клюев «подлинный мужицкий крестьянский поэт, и таковым, весьма к тому талантливый, считался задолго до большевиков» [14, с. 5]. Подобная мысль нашла подтверждение в работе Г.В. Алексеева «Деревня в русской поэзии» (1922). Клюев, который после 1917 г. остался верен деревне – единственный на тот момент, по мнению автора, мужицкий поэт. Того же Есенина он отказывался именовать «последним поэтом деревни». Уже именитый «ученик» «за Клюевым понес было в литературу парное нутро избы, встревоженный войной и революцией быт села и хлесткий свист пастушьего кнута. Но в город, куда он пришел, куда тянулась и офабриченная деревня центральных русских губерний – пришел не «последний поэт деревни», – а поэт, с каждым годом, с каждым днем терявший связь со своими хатами, талантливый, но теперь не деревенский, а сшибленного с культурных устоев, развороченного гнильем революции города – поэт» [15, с. 82].

После Октября страна всеми силами старалась дать читателю нового писателя, пролетарского. Оказалось это далеко непросто. Ближайшие 5-7 лет после революционных событий 1917 г. еще продолжали действовать «традиции общерусской литературы», но в новой обстановке.

Клюев или Есенин, несмотря на принятие революции, сохраняли «нутряное, не отраженное» [16, с. 2] изображение деревни.

Подытожит в полемике эмигрантской критики в вопросе «Клюев – истинный пролетарский поэт» В.Ф. Ходасевич в рецензии на антологию С.А. Родова «Пролетарские писатели» (1925). По словам Родова работа должна была «помочь рабочему классу ознакомиться с творчеством его писателей», «*выразителями идеологии* (курсив – В.Х.) рабочего класса» [17, с. 454]. После этого заявления Ходасевича удивляет отсутствие Есенина, Клюева, Клычкова или Горького. Сама статья пронизана иронией и сарказмом не только к книге, но в первую очередь к самому автору антологии. К 1925 г. шла активная борьба между Ходасевичем и Родовым в рамках советской печати. Ходасевич не видел в Родове (как и во многих других писателях, ярко проявлявших себя после революции) не просто пролетарского поэта, а как таковое – поэта. «В общем же, не внося ничего своего, – пишет Ходасевич, – они стараются отовсюду понабрать понемногу. Не имея знаний и вкуса, берут наудачу самое плохое; не имея чутья – соединяют несоединимое. Пролетарская поэзия есть лоскутное одеяло» [17, с. 446].

Родов, к этому времени активный деятель ВАППа и журнала «На посту», отличался доношением на коллег по перу за их инакомыслие в отношении большевизма. Хотя сам еще до революции принимал сторону меньшевиков, а Ленина обвинял в шпионаже. В силу изложенных причин Ходасевич отмечает: «...сужу книгу с той строгостью, которая обязательна, раз дело идет о людях, заявляющих себя создателями и выразителями новой литературной эпохи» [17, с. 446].

В статье Ходасевич предположил ряд гипотез по поводу отбора поэтов в книгу. Возможно, это авторы исключительно из рабочего класса, но представлены как рабочие, так и мещане, крестьяне и даже интеллигенты. Отбор согласно профессии или «люди низкого образовательного ценза», революционному стажу или «не «запятнавшие себя» себя печат-

танием в «буржуазной» прессе»? Вновь неверно. Перебрав ряд вариантов Ходасевич пришел к выводу: «...Горькой, Клюев, Есенин, Клычков – потому не пролетарские писатели, что они – писатели в самом деле. Это и будет самое правильное» [17, с. 455].

В 1922 в петроградском издательстве «Эпоха» была издана поэма «Четвертый Рим». Клюев тяжело переживал уход друга Есенина в имажинизм и «измену» клюевской Руси. По мнению Азадовского, поэма появилась под влиянием Иванова-Разумника и его статьи «Третий Рим». В ней критик пишет: «...с новым правом повторяем мы теперь старую формулу XVI века, только относим ее к идее не автократии, а демократии, не самодержавия, а народодержавия» [18, с. 189]. В поэме Клюев надеется в будущем на мужицкую страну, где «наступит всеобщее «братство» и «торжество духа»».

Что касается общего впечатления о поэме, важно подчеркнуть, что единственный момент, на котором все критики-эмигранты сошлись во мнении: «Четвертый Рим» – выпад против Есенина. Журналист А. Вольский (Гроним) (подпись: А.В.) предал сомнению правильность названия поэмы. Следовало бы ее назвать «Ex Oriente lux» («С Востока идет свет»). Поэту хочется прекрасных восточных красок, поэтому «анафеме предает Клюев <...> башмаки и цилиндр – символ поджарой и пресной европейской культуры» [19, с. 5], которую он видел отныне в поэзии Есенина.

Неизвестный автор на страницах другого сменовеховского органа «Новая русская книга» в рецензии на «Четвертый Рим» камня на камне не оставил от Клюева и «Скифов». «Ходит ли Есенин в лаковых башмаках, а Клюев в лаптях, – пишет критик, – это их дело семейное и, право, ни для кого, кроме разве неврастенических девиц из «поэтесс» и безусых снобов из «скифов», неинтересное» [20, с. 23]. В отличие от этого поверхностного эмоционального выплеска «сатириконовец» П.П. Потемкин, входивший в число ближайших друзей Гумилева, в рецензии дал

более обстоятельный анализ «Четвертого Рима». Критик, отмечая однообразие и хорошую технику стиха, считал, что по образам книга довольно корявая, чего не наблюдалось в раннем творчестве поэта. А насыщенность редкими диалектными словами и вовсе сделала поэму непонятной, «даже для хорошего русского» читателя. Клюев и Есенин после революции, несмотря на идейную вражду с некоторого времени, стали ведущими представителями нового народничества в поэзии, «певцами новой деревни и земли». «Четвертый Рим» выступает как бы манифестом русской земли, которую губят «лаковые башмаки коммунистического Есенина». Однако спасение Клюева, его «утрированное божество», может оказаться еще более для России, нежели лаковый башмак. Отсюда стиль – «стиль возгордившегося босяка от поэзии» [21, с. 36]. Помимо этого Потемкин совершил ошибку, перепутав друга и земляка Н.И. Архипова, которому посвящена поэма, с Н.А. Архиповым (М.Л. Бенштейн), по мнению критика, неудачным петербургским издателем и писателем. Это так же наложило отпечаток на оценку поэмы.

Как видно из рассмотренных критических статей, точка зрения о творчестве поэта изменилась (как и в отечественной печати), по сравнению с мнениями в дореволюционные годы. Многие публицисты разочарованы глубоким уходом Клюева в пролетарскую тематику (да еще с оттенком «скифства»), продолжается отрицание сложного языка, обилия образов т.д. Близкий друг и ученик Есенина А.Б. Кусиков, преданный революции и занимавший антиэмигрантскую позицию, в статье «Битюг», по сути, хоронит творчество Клюева (в противовес восхвалениям Калагинова). Признаваясь в любви к поэту, он пишет, что каждая новая его книга всё хуже и хуже. «Кто же мог думать, – пишет Кусиков, – что пропахший мужицким потом песенный армяк его так скоро развалится; кто же мог поверить, что мощные плечи его песенного размаха так быстро устанут и в бессилии сойдутся к подбородку, горб натянув. А то тот самый Клюев, колдун, заклинатель и леший-чародей, который выкрал ду-

мы сосенного перезвона и миру передал» [22, с. 6]. Но причина скрывается не в самом Клюеве, а в реакции на Февральскую революцию, которая открыла и оживила многих, но «столько же она и уничтожила». Клюев не понял революцию, «не так <...> ее учуял». Он хотел услышать те же звуки, что выступали музой ему в книгах «Сосен перезвонах» или «Лесных былях». Но «оглох», считает Кусиков: «Не по тебе этот звон «брат мой печальный»» [22, с. 6]. Кусиков прав отчасти, что Клюеву и Есенину отныне не по пути. Они теперь разные, и не нужно гнаться за утерянным, не возвратишь, да и сам погибнешь: «Вернись к своим соснам, прислушайся к их перезвону, может быть они новое тебе поведают» [22, с. 7]. Согласно А. Белому эти попытки бесполезны, т.к. к 1923 г. «...персидским ковром рассыпалась поэзия Клюева» [23, с. 377]. Отчаивается Кусиков в Клюеве, не поняв, собственно, ожиданий «крестьянского» поэта. Последний видел в революции возрождение древней Руси, «мужицкого рая», где есть место электричеству или машинам.

Совершенно по-другому считал Святополк-Мирский в статье «Литература в России большевиков». У Клюева еще есть шанс «найти новые и неожиданные слова, говоря о русской деревне, о скромной, но старательной набожности крестьян, о бесконечных, однообразных и немногочетных просторах русской равнины» [24, с. 47]. Однако в 1926 г. на страницах бельгийского журнала «Благонамеренный» критик вынесет приговор не только Клюеву, но и Ахматовой, которые: «...удалились в пустыню и если продолжают работать то вне всякой мысли о воздействии на читателя» [25, с. 92]. Тем не менее, присутствие сказочности, спокойствия, сусальности вместо революционной динамики и борьбы напрягало не только последователей 1917 г. (Кусиков), но и ряд противников новой власти (Потемкин, Вольский и др.).

Вопрос о «клюевщине» в эмигрантской среде, как видим, обсуждался довольно бурно. Подробно об этом понятии написал Ходасевич в статье «Есенин» на страницах «Современных записок». «Россия – страна

мужицкая. То, что в ней не от мужика и не для мужика, – накипь, которую надо соскоблить» [26, с. 298]. Тактика при такой программе, оформившаяся еще к 1913 г., довольно простая, чисто русская, «мужицкая» – «выжидательная». Когда враги мужика начнут грызть друг друга и потеряют свои силы, «вот тогда мужик разогнет спину и скажет свое последнее решительное слово» [26, с.298]. М. Самсонов (С.М. Соловейчик), Н.К. Кульман [27], М.О. Цетлин, М.А. Осоргин [28] согласились с этим определением. Самсонов в эсеровской берлинской газете «Дни» считал, что главная цель русских демократических партий – «недопущение вырождения растущей ныне активности крестьянства в новую «клюевщину» и махновщину» [29].

Редактор «Современных записок» Цетлин без использования термина обвинил Клюева в подражательности, сложности языка, фальши, постоянных безадресных угрозах, бессмысленных протестах. Статья «Истинно народные поэты и их комментатор» является отзывом на сборник «Красный звон» (1918), включавший в себя стихотворения Клюева, Есенина, Орешина и Ширяевца и вступительную статью Иванова-Разумника «Поэты и революция». Сборник получил в основном одобрительные отзывы, в частности и Цетлина. Критик именовал Клюева первым, кто открыл народный дух, где «в одном космическом вихре» соединены социальная, политическая и духовная революции. Но у Клюева отсутствовала подлинность этого отражения, потому что «ему чуждо свободное самоопределение духа». Хоть Клюев и крестьянин по происхождению – «порой кажется, что он носит свою «народность» напоказ, как славянофильствующий барин русский костюм» [30, с. 250].

Во всей этой кряжести, сложности, «напористости языка», суровости Ф. Иванов в литературно-критических очерках «Красный парнас» (1922) видел «воплощение мужественности и крепости» в поэзии Клюева. По сравнению с ним Есенин более «женственен, мягок». Хотя оба делали всё, чтобы стать настоящими пролетарскими поэтами, «пророками гря-

дущего в мир Мессии». По мнению Ф. Иванова поэт старался выступить российским Руже-де-Лилем, а его «Красная песня» – «попытка селянской Марсельезы. Но в ней нет революционного пафоса» [31, с. 59].

Как было отмечено выше, довольно скептически относился не только к Клюеву, но и вообще к крестьянским поэтам, известный критик и литературовед Святополк-Мирский. В статье «Русское письмо. Современные течения в поэзии» Святополк-Мирский разделял русскую литературу на четыре типа: 1. «патриоты» (Ахматова, Бунин, Волошин); 2. «социалисты – не большевики» (Гиппиус); 3. «большевики-романтики (или, более точно, левые социалисты – революционеры)» (Блок, Белый, Есенин, Клюев, Ремизов); 4. «неоромантические большевики» (Маяковский) [32, с. 38]. Из классификации менее всего интересны критику крестьянские поэты: «Их метод состоит в извлечении из русской народной традиции и фольклора всего, что, по их мнению, отвечает вкусу модернистски образованного социалиста» [32, с. 38]. В своих воззрениях на революцию он был отчасти схож с ними. Святополк-Мирский отрицал «механически-безддушную» составляющую революции, как Есенин или Клюев. Критик, с его антикоммунистическими настроениями, метался между понятиями «Запад» или «Восток». Литературовед даже не включил Клюева в сборник стихов «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924). В рецензии Р.Б. Гуль [33] (подпись: ЭРГ) удивился отсутствию «крестьянского» поэта. Не согласился он и с характеристикой Клюева, как «эпигона символизма». Клюев в своем уже зрелом творчестве совершенно другой направленности. Это отразится в критических статьях Гуля в 1950-е гг.

Оценивая талант Клюева, Святополк-Мирский хоть и предрекал ему большую роль в современной литературе, но не считал его большим гением. Ценность поэта была преувеличена (имеется в виду вознесение скифами Клюева на Олимп русской поэзии). «Его революционные оды 1917 г. <...> посредственны» [34, с. 47] – пишет критик. Среди крестьян-

ских поэтов у Клюева особая любовь к России: идеальная, нежная, не копясь в «позоре или грязи». Что касается религии Клюева, то в ней нет Бога: «Религиозное содержание ушло в эстетическую, псевдомистическую романтику» [34, с. 70]. Поэт, переживающий всем сердцем за «варварскую культуру», избрал границы творчества. В его стихотворениях сливается и символизм, и «обрядность народной веры», при этом Клюев «отбрасывает религиозную субстанцию» [35, с. 748].

Неоднократно произведения Клюева переводили на иностранные языки. Апр. сообщал, что поэма «Песнь Солнценосца» была переведена на немецкий язык и опубликована в 1920 г. (№ 2-3) в журнале «Der heue Merkur» («Новый Меркурий»). А в 1926 г. И.В. Шкловский под псевдонимом Дионео в журнале «Голос минувшего на чужой стороне» писал, что факультетом славянских языков Лондонского университета вот уже три года выпускается сборник статей под названием «The Slavonic Review» («Славянское обозрение»). Посвящена книга славянской литературе, истории, экономической жизни. Одна из литературных статей принадлежала профессору Джоржду Патрику «Современная поэзия». По словам Шкловского, автор статьи очень высокого мнения как, в общем, о российской литературе, так и, в частности, о крестьянских поэтах, «выдвинутых революцией». Патрик поддержал мысль «мужицкого поэта» Ф.В. Иванова в «Красном парнасе», рассматривая из крестьянских поэтов лишь Клюева и Орешина: «В творчестве современных крестьянских поэтов есть удаль и размах, вместо уныния и подавленности, как у прежних поэтов, вышедших из народа» [36, с. 297]. Основными отличительными чертами от пролетарских «поэтов-артистов» выступает не только их религиозность, отсюда и соответствующая концепция мира, а также консерватизм. Тем не менее, как отмечает профессор, это «не означает, что поэты относятся враждебно к революции» [36, с. 298].

Поэзия Клюева с его ковригами и печными горшками на фоне города к началу 30-х гг., по мнению Н.А. Оцуца, стала очень скучна и «утоми-

тельна» [37]. Критику-мигранту (в общем) уже давно ничего не слышно о поэте. Клюева к этому времени перестают печатать не только в России, но и за границей. Оценка его, как личности и творчества меняется в эмиграции с 1917 года к 30-м гг.: с признания в Клюеве народного, настоящего пролетарского грустного мечтателя, «славельника» (художник Б.Д. Григорьев) [38] до обвинения в «клюевщине», «погружении в своеобразный мистицизм» (А.И. Формакова и Б.Н. Шалфеева) [39].

Список использованных источников

1. Маяковский В.В. Pro et contra / сост. В.Н. Дядичева. СПб.: РХГА, 2006. 1071 с.
2. Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / сост. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
3. Сл.М. Стихи о России // Воля России. 1921. 3 февраля. № 119. С. 5.
4. Л.П. Переходный период // Народное дело. 1921. 3 февраля. № 26. С. 2-3.
5. Петроник. Идея Родины в советской поэзии // Русская мысль. 1921. Кн. I-II. С. 214-225.
6. Петроник. Идея Родины в советской поэзии // Русская мысль. 1921. Кн. I-II. С. 214-225.
7. Б.п. Издательство в Берлине // Русская книга. 1921. № 1.
8. М.Сл. Стихи о России // Воля России. 1921. 3 февраля. № 119.
9. Л.П. Переходный период // Народное дело. 1921. 3 февраля. № 26.
10. Иванов Ф.В. Красный Парнас: литературно-критические очерки. Берлин: Русское универсальное издательство, 1922. 130 с.
11. Апр. Скифская поэзия // Руль. Берлин. 1921. № 50. 16 (3) января. С. 5.
12. Апр. Скифская поэзия // Руль. Берлин. 1921. № 50. 16 (3) января. С. 5.
13. Калагинов К. Поэзия Н. Клюева // Русская жизнь. 1922. № 2. С. 41-42.

14. Н.М. П.Н. Клюев. Избяные песни // Воля России. 1921. 7 апреля. № 171.
15. Алексеев Г.В. Деревня в русской поэзии. Берлин: Изд-во Е.А. Гутнова, 1922. 96 с.
16. Кускова Е.Д. Вторичные факторы // Последние новости. 1937. 17 декабря. № 6110.
17. Ходасевич В.Ф. Пролетарские поэты // Современные записки. 1925. № XXVI.
18. Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2002. 386 с.
19. А.В. Николай Клюев. Четвертый Рим // Накануне. 1922. 13 мая. № 39.
20. Б.п. Николай Клюев. Четвертый Рим // Новая русская книга. 1922. № 6.
21. П.П.П. Николай Клюев. Четвертый Рим // Воля России. 1922. 24 июня. № 23-24. С. 36.
22. Кусиков А.Б. Битюг // Накануне. 1922. 7 мая. № 34.
23. Белый А. Культура и жизнь. Тяжелая лира и русская лирика // Современные записки. 1923. № XV.
24. Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
25. Святополк-Мирский Д.П. О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. 1926. № 1.
26. Ходасевич В.Ф. Есенин // Современные записки. 1926. № XXVII.
27. Кульман Н.К. Зачем молодиться («Современные записки», кн. 27-ая и 28-ая) // Возрождение. 1926. 14 октября. № 499. С. 3.
28. Осоргин М.А. Русский современник. 1924. № 1 // Современные записки. 1924. № XX.
29. Самсонов М. Записки читателя («Современные записки», книга 27-я) // Дни. 1926. 11 апреля. № 978. С. 3.
30. Цетлин М.О. Истинно народные поэты и их комментатор // Современные записки. 1921. № III. С. 248-251.

31. Иванов Ф.В. Красный Парнас: литературно-критические очерки. Берлин: Русское универсальное издательство, 1922. 130 с.
32. Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
33. ЭРГ. Русская лирика. Маленькая антология // Накануне. Литературная неделя. 1924. 18 мая. № 112. С. 6.
34. Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
35. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2006. 872 с.
36. Дионео. Среди книг «The Slavonic Review» о России // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3 / XVI.
37. Оцуп Н.А. О поэзии и поэтах в СССР // Числа. 1933. № 7-8.
38. Григорьев Б.Д. О новом // Голос России. 1920. 25 июнь. № 138.
39. Шалфеев Б.Н. Что я видел в СССР. Комсомолка у могилы Блока // Сегодня. 1927. 30 сентября. № 220.
40. Формаков А.И. Две могилы. Из впечатлений поездки в СССР // Числа. 1933. № 7-8.